

Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. – М.: Изд-во Омега, 2007. – 560 с.

Первое издание книги Н.А.Троицкого произвело в своё время настоящий фурор в историографии войны 1812. Мы написали на неё положительную рецензию, полагая главной заслугой автора критику самых очевидных изъянов марксистской литературы. Спустя 20 лет в серии "Загадочная Россия. *Новый взгляд*" вышло 2-е издание, на обложке которого указано: "*Новый взгляд* на Отечественную войну 1812 года". Повысить "рейтинг" призвана вводная статья И.А.Шейна, который уверяет читателя, что перед ним – "исправленное и дополненное с учётом новых фактов, взглядов и суждений издание книги". Но И.А.Шейн признается, что "новая работа осталась сориентированной на марксистско-ленинские подходы к освещению темы", её "целевые установки фактически дословно взяты из первого издания книги", "практически не изменилась источниковая база работы", "общий замысел работы не претерпел значительных трансформаций", "практически без изменений остались основные концептуальные положения" и, "делая заключение, историк в целом повторил свои прежние выводы".

Тем не менее, И.А.Шейн утверждает, будто "историк исправлял те суждения и факты, которые не выдержали проверки временем. Некоторые положения авторской концепции подверглись уточнению. Но, главным образом, "1812 год" был существенным образом дополнен и расширен преимущественно за счёт критического анализа современных дискуссионных аспектов темы с привлечением нового фактического материала". Он пишет, будто Н.А.Троицкий "проанализировал современную отечественную и зарубежную историографию проблемы". На самом же деле, Н.А.Троицкий обрушился с критикой на книги Б.П.Фролова и А.В.Шишова, которых учёными никто и не считает, а о работах настоящих исследователей отозвался лишь несколькими презрительными и уничижительными фразами. С современной же западной историографией он попросту незнаком.

Н.А.Троицкий классифицирует отечественную историографию "по социально-классовому признаку господствовавших концепций". Мы полагаем такую периодизацию неверной, ибо она исходит не из закономерностей развития самой науки, а из господствующей

идеологии. На наш взгляд, дворянскую историографию следует именовать официальной, каковой она и была на самом деле, а буржуазную – позитивистской, по основной тогдашней методологической концепции. Выражение "*советская* литература" мы считаем некорректным, ибо это прилагательное не имело никакого отношения к науке, а служило для маскировки истинного характера коммунистического режима; поэтому точнее будет называть её "марксистско-ленинской", в соответствии с основной идеологической "подавляющей" той эпохи.

В начале работы Н.А.Троицкий попытался быть объективным, отметив "диалектическое своеобразие войны", поскольку "такой отсталой и реакционной державе, как царская, феодальная Россия... противоборствовала в 1812 г. буржуазная Франция – страна, которая унаследовала завоевания Великой революции". Но буквально тут же он сошёл с этого объективного пути, свернув на дорогу однобокого "классового подхода". Вопрос о характере войны он решил просто: "Именно с того дня..., когда войска Наполеона вторглись в Россию, вопрос о характере войны решается однозначно", ибо русский народ тут же "поднялся на защиту отечества и повел с захватчиками справедливую, освободительную войну". "Русские, украинские, белорусские, литовские крестьяне и горожане" сопротивлялись захватчикам: "с приближением французов массы людей оставляли родные места, уводя за собой всё живое". Не ясно, правда, *как можно бегство* от неприятеля называть *сопротивлением* ему. Никаких доказательств того, что народ начал борьбу с захватчиками сразу от границы, автор не привёл, а его ссыла на слова Г.П.Мешетича являет собой наглядный пример вольного обхождения с фактами, поскольку мемуарист писал о времени после оставления Смоленска.

Н.А.Троицкий заявил, что "трудовой люд России *от самой границы...* противодействовал снабжению врага, сжигая населённые пункты, уничтожая... хлеб и фураж, угоняя скот". На самом деле значительная часть жителей Литвы встречала наполеоновские войска как освободителей, помогала им и вредила русским, а крестьяне Белоруссии скрывались в лесах, отбиваясь от мародёров и грабя имения

своих помещиков. Вовсе не мирное население уничтожало здесь запасы, а отступавшая русская армия – свои магазины. Никакого "народного партизанского движения" здесь не было, а первые призывы к народной войне звучали из уст М.Б.Барклая де Толли лишь в начале августа.

Мы считаем, что лишь со времени вступления в Смоленскую губернию война приобрела для русского народа характер отечественной. На уступленных до этого территориях, недавно аннексированных Россией у Польши, нельзя было рассчитывать на придание войне такого характера. Напротив, такой характер война имела тогда для польского населения, заявившего о возрождении своего Отечества. Здесь шла "политическая" война двух империй за спорные территории, и именно Наполеон разыгрывал национальную польскую "карту".

Н.А.Троицкий пишет, что в этой войне "верхи" и "низы" России защищали от общего врага не одно и то же отечество: "верхи" боролись за отечество самодержавно-крепостническое, а "низы" – за отечество, свободное от самодержавно-крепостнического гнёта". Такая трактовка выглядит упрощённой. Против самодержавия крестьянство никогда не выступало. Сомнительно и то, что народ боролся ради своего социального освобождения – сами марксисты не смогли привести ни единого тому доказательства.

Забавно читать описание французской армии со ссылками на высказывания Г.Гейне, В.Гюго, К.Рылеева, В.Белинского, К.Маркса, Ф.Энгельса и Л.Толстого, в то время, как в мировой историографии имеются сотни книг и статей на сей предмет, а на русском языке – капитальное исследование О.В.Соколова. Удивляет принятая автором метода исчислять численность армий и их потери на основе перечисления цифр из книг Левицкого, Бескровного, Богданова, Жилина, Тарле, Шишова, хотя а priori понятно, что сами они не вели подсчётов по источникам, а переписывали все цифры у своих предшественников.

Автор не читал нашей книги о "львином отступлении" отряда Д.П.Неверовского, а потому повторил старые байки о том, будто бы он "задержал французов почти на сутки" и "дивизия Неверовского не позволила армии Наполеона пройти к Смоленску". На самом деле, "обсервационный корпус" (а не 27-я дивизия) Не-

веровского вовсе не задержал неприятеля, а отступил на восток более 50 км; французы в тот день просто физически не могли добраться до Смоленска. Н.А.Троицкий пишет, будто "первым партизанским отрядом был отряд Ф.Ф.Винценгероде". Это не так. Первым партизанские действия начал А.П.Тормасов, а не Барклай. К тому же, это был не "партизанский отряд", а "летучий корпус", и фамилию его командира – Винцингероде – автор упорно пишет неправильно.

При описании Бородинского сражения Н.А.Троицкий не учёл десятки статей и книг, вышедшие за последние 20 лет. Странно выглядит его ссылка на Ф.Меринга и В.Скотта при определении численности французской армии, при незнании нашего с А.А.Васильевым исследования по данному вопросу. Укрепления у д. Семёновской автор именуется "флешами", хотя два из них были люнетами. Он продолжает писать о 8 атаках на Багратионовы "флешы", хотя эта цифра была буквально "высосана из пальца". Нелепо звучит его выражение, будто "две дивизии Жюно неожиданно для французов натолкнулись *возле Утицы* на 2-й корпус К.Ф.Багговута", после чего "Жюно был отброшен войсками Багговута *к Утицкому лесу*". На самом деле, в этот лес сначала вступила лишь одна дивизия 8-го корпуса; наткнулась она не на весь 2-й корпус, а лишь на одну из его дивизий. Корпус Жюно действовал вовсе не *возле Утицы* и не мог быть отброшен *к лесу, внутри* которого он сражался!

Н.А.Троицкий повторил старую ошибку, будто лейб-гвардии Финляндский полк отражал атаки французской кавалерии к югу от Семёновской. Он заявил, что во время демонстрации кавалерии Платова и Уварова Наполеон "сам помчался к д. Беззубово", чего на самом деле не было. Он написал, будто О.Коленкур "живым ворвался на батарею, взял её и остался на ней мёртвым", хотя на самом деле он туда так и не добрался. При определении потерь высшего командного состава "Великой армии" он сослался на П.Деннье, хотя сведения его неточны, а наши с А.Васильевым подсчёты автору неизвестны.

Самой "провальной" частью книги Н.А.Троицкого является раздел "Народная война", не подвергшийся никакой модернизации. Подражая Е.В.Тарле, автор заявил, будто "вся война 1812 г. со стороны России *была народной, ибо она решала судьбу русского народа*", не

задумываясь о том, что на этом наивном основании многие войны в российской истории могут быть объявлены народными, и война 12-го года лишится своей специфичности.

Автор пишет, что "советская историография давно уже опровергла тезис дворянских историков о том, что вождём народной войны против Наполеона был господствующий класс России, которым героически руководил... Александр I. На деле дворянство и сам царь не столько возглавляли народную войну, сколько боялись и тормозили её". На самом же деле, народная война была инициирована двумя царскими манифестами, и без активной деятельности дворянства просто не состоялась бы.

В изложении Н.А.Троицкого только крестьяне выступают бескорыстными и самоотверженными патриотами. В патриотизме всех остальных сословий он усматривает некий изъян, обусловленный их социальным положением. "На фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорыстием и действенностью патриотизм народных масс", которые шли на неприятеля, "движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами". Это явная идеализация. Нельзя возводить патриотические чувства народа в непогрешимый абсолют. Что касается бескорыстия крестьянства, то здесь автор вошёл в противоречие с самим собой, заявив, будто "массы русских крестьян" шли воевать, в надежде получить освобождение. Он сослался на слова К.Маркса о том, будто бы мужикам "было обещано освобождение от крепостной зависимости в награду за их патриотизм". Так где же здесь бескорыстие? Что здесь цель, а что средство? Нет ли здесь прагматического расчёта? Да и кто мог отважиться дать крепостным такое обещание?

Ни одного примера, подтверждающего постулат К.Маркса, Н.А.Троицкий привести не смог. Поэтому он сослался на слова своего оппонента Б.С.Абалихина: "Патриотическая, хотя и казённая, пропаганда тоже возбуждала их (неожиданно для властей) против помещиков, ибо часто употреблявшиеся слова "свобода", "освобождение" и т.п. порождали иллюзию о ликвидации крепостной зависимости". Перед нами яркий пример марксистской схоластики, ибо непонятно, откуда у крестьян могли возникнуть такие мечтания. Крепостные, отдавае-

мые в ополчение, знали из манифеста, что "по изгнании неприятеля из земли нашей *всяк возвратится... в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям*". В уездах, где подавлялись крестьянские бунты, они также знали о намерении правительства сохранить в неизблемости существующий социальный порядок. О необходимости сохранения верности "властям предержащим" и помещикам повсюду вещали с амвонов.

Опровергая утверждение дворянских историков об исключительной роли дворянства, Н.А.Троицкий встал на тот же путь абсолютизации, только теперь вместо одного сословия стал превозносить другое. Между тем, известно, что нередко богатые крестьяне покупали у помещиков крепостных, поставляя их в ополчение взамен себя. Да и в армию крестьяне отнюдь не всегда шли с охотой, чему есть свидетели. После оставления Москвы часть ратников Московского и Смоленского ополчений разбелась по своим домам.

Говоря об обострении классовой борьбы крестьянства, Н.А.Троицкий умолчал, что мятежи и грабежи помещий затрудняли положение правительства, занятого борьбой с завоевателем и отвлекали от неё отряды русской армии. Уже тот факт, что Наполеон думал о возможности отмены крепостного права в России, чтобы привлечь к себе крестьянство, а русское дворянство заранее опасалось такой перспективы, говорит о потенциальной направленности антикрепостнического движения, вектор которого был прямо противоположен борьбе за национальную независимость. Но марксисты рассматривали классовую борьбу как некую самоценность, и то, что в 1812 она обострилась именно из-за вторжения "Великой армии" и при подстрекательстве отдельных её представителей, нисколько их не смущало.

Со ссылкой на декабристов Н.А.Троицкий заявил: "На защиту отечества народ поднимался в 1812 г., как свидетельствуют очевидцы, "не по распоряжению начальства", а "сам собою" с первых же дней войны". Но это всего лишь постулат, ибо фактических доказательств своих утверждений декабристы не привели. Тот факт, что они участвовали в войне младшими офицерами гвардейских полков, ещё не доказывает, что они были очевидцами народного вооружения. К тому же, эти слова были написаны много лет спустя антиправительственно

настроенными революционерами, что ставит под сомнение их объективность. Но для марксистов, с их упрощённым "классовым подходом", это было как раз положительным качеством.

Стремясь любыми способами превознести роль народа, Н.А.Троицкий вслед за историографами пишет, что партизанское движение и ополчение, это "далеко не единственные формы борьбы народов России с агрессором". К другим, *неизученным* формам он отнёс: кордоны и дружины самообороны, строительство военных дорог, мостов и укреплений, самоотверженную работу на полях и оружейных заводах, перевозку миллионов пудов боеприпасов, продовольствия и раненых. Но последнее не является специфической особенностью 1812 г. Этим рабочий люд занимался во время любых войн, а доказать, что в 12-м году он делал это с особым энтузиазмом и самоотдачей вряд ли удастся на уровне фактологии. Наверняка народ ощущал подобное как повышение степени эксплуатации.

Вслед за теми же историографами Н.А.Троицкий заявил, будто "важным, но *поныне малоисследованным* компонентом народной войны 1812 г. были разнообразные формы самозащиты населения оккупированных и прифронтовых губерний – кордоны, дружины, "охранные войска". В данном случае автор проявляет непростительную неосведомлённость. Во-первых, упомянутые "народные дружины" являлись звеньями "кордонной цепи", которая была создана усилиями дворянской администрации. Во-вторых, изучение кордонной системы было начато ещё дореволюционными историками, а ныне продолжено в статьях В.А.Бессонова; данная система весьма подробно описана и в нашей монографии.

Вызывает удивление, что автор повторил старую байку о том, будто "русские крестьяне не один раз повторили подвиг Ивана Сусанина 200-летней давности", но привёл *один единственный* известный науке случай с крестьянином Семёном Силаевым. Между тем, мы давно уже выяснили происхождение легенды и установили, что, во-первых, Силаева никоим образом нельзя сравнивать с Сусаниным, так как *он не заманивал неприятеля в непроходимые места, а напротив отговаривал его туда идти!* Во-вторых, выяснилось, что это был вовсе не крестьянин, а помещик Семен Силаевич Воевод-

ский! В итоге образ героя-крестьянина "испарился, оставив в осадке" героя-помещика.

Н.А.Троицкий пишет, будто "*народ не просто откликнулся* на царский манифест 18 июля о созыве ополчения, но даже *опередил царя*: на Смоленщине крестьяне пошли в ополчение ещё до манифеста". Сия фраза вызывает удивление, ибо каким образом мужики могли пойти в ополчение до того, как было объявлено о его созыве? Как они могли "откликнуться" на указ, если их никто не спрашивал? При этом автор сослался на книгу В.И.Бабкина, где, к тому же, таких данных вовсе нет, а лишь указаны даты по непонятно какому стилю. У него же автор позаимствовал сомнительное утверждение, будто бы "во "внеополчающихся" губерниях пришли в ополчение 100 тыс. ратников" и "больше 120 тыс. ополченцев присоединились к регулярной армии и начали боевые действия уже в тарутинский период". Впрочем, автор оговорился, что "данные В.И.Бабкина нуждаются в некоторых уточнениях, но *все они документированы*"; последнее утверждение абсолютно не соответствует истине, и все цифры, приведённые В.И.Бабкиным, нуждаются в обязательной перепроверке.

Не соответствует действительности и заявление Н.А.Троицкого о том, будто "с началом контрнаступления *вся* ополченская армия... *приняла участие в боях*". Помимо московских и петербургских ратников, в боевых действиях участвовали лишь отдельные части некоторых других ополчений. Весьма двусмысленно звучит его фраза о том, что "к организации народного ополчения... *были причастны лучшие люди из дворян*"; она навязывает читателю вывод, будто бы ополчение создавал сам народ, а из дворян к этому процессу *были причастны лишь некоторые лица*. На самом же деле всё обстояло с точностью до наоборот.

Описание партизанской войны Н.А.Троицкий начинает весьма показательной фразой: "Ещё более активной, чем даже ополчение, *самой действенной формой народной войны* 1812 г. было партизанское *движение*. Оно с наибольшей силой воплотило в себе энергию, инициативу, патриотическое "остервенение" русского народа. Собственно, в 1812 г. было *два* партизанских *движения* – армейское и крестьянское". Данная фраза является квинтэссенцией искажённого марксистского представления о народной и партизанской войне, антиисторич-

ность которого мы развенчиваем в течение последнего десятилетия.

Те, кого советские авторы объявили партизанами, в источниках именовались иначе: "Вооруженные обитатели, вооруженные крестьяне, *кордоны* пограничные, *ополчение*, внутреннее охранное войско". Д.Давыдов чётко различал "партизан и поселян", называя последних "поголовным *ополчением*", "добровольным *ополчением* поселян". Р.Вильсон, сообщая о высылке из армии партизанских партий, прибавил: "Теперь *также* набираются многочисленные крестьянские *ополчения*, коим роздано достаточное число оружия". В листовках русского штаба партизаны чётко отличались от "крестьян из прилежащих к театру войны деревень", каковые, "устраивают между собою *ополчения*". Одним словом, сами участники войны вовсе не считали крестьянские отряды "партизанскими".

Н.А.Троицкий записал "по разряду" народной войны даже партизан, высланных из *армии*. Только такой сугубо "классовый подход" может включить *армейские* отряды в понятие "народная война". Перечисляя командиров партизанских отрядов, высланных М.И.Кутузовым из Тарутинского лагеря, автор упомянул Чернозубова, Пренделя, Кожухова и Лесовского, совершенно не подозревая, что первые двое входили в корпус Винцингероде, третий – в отряд Кудашева (упомянутые им отдельно), а последний вообще не был отправлен на поиски. Описывая славные дела партизан в Вере и Ляхово, Троицкий "забыл" сослаться на наши статьи и книгу, специально посвящённые этим сюжетам.

Н.А.Троицкий заявил, будто "партизанских отрядов из крестьян было во много раз больше, чем армейских: только на Смоленщине – до 40 общей численностью около 16 тыс. человек. А ведь они действовали по всему театру войны... По существу, *едва ли не все крестьяне, причём обоего пола, способные носить оружие, становились тогда в зоне военных действий партизанами*". Последняя фраза является выдумкой чистой воды, а приведённая численность "партизан" могла быть взята только "с потолка". При этом автор сослался не на источники, а на сочинения советских писателей. На самом деле речь идёт о звеньях кордонной цепи, созданной дворянами по призыву Баркляя.

Ошибочным является заявление Н.А.Троицкого о том, будто "крестьянское партизанское движение 1812 г. *должным образом ещё не изучено*". Он тем самым умолчал о десятках статей по этому вопросу, написанных нами и другими авторами в последние десятилетия. Анекдотично звучит его заявление, будто "крестьянский партизанский" отряд Курина "освободил Богородск" от неприятеля, ибо из источников известно, что маршал Ней оставил этот город по приказу Наполеона, после чего туда вступили русские армейские отряды. Столь же неубедительным является заявление автора, будто бы народные "партизаны Четвертакова очистили от французов весь район Гжатска", поскольку французская армия по собственному почину отступила к Смоленску. Далее Н.А.Троицкий описал подвиги "командира третьего по численности крестьянского отряда Фёдора Потапова, называвшего себя Самусем". Он до сих пор не знает, что подвиги этого "героя" были в полном смысле слова выдуманы С.Н.Глинкой, скопировавшим сей образ с реального Е.В.Четвертакова.

Упомянул Н.А.Троицкий и гренадера С.Еременко: "Тяжело раненный в Смоленске, этот солдат *был спасён жителями города*", а затем "стал партизаном и *начал с того*", что истребил отряд из 47 чел. На самом деле раненого выходил *помещик* с. Мичулова Кречетов, о чём советские авторы умалчивали. Н.А.Троицкий не назвал даты "подвига", намекая, что с него начался боевой путь героя. На самом деле, "подвиг" был единственным деянием Ерёменко, и случился он 30 октября, когда французы уже отступили до Смоленска. Между прочим, Е.В.Тарле, написал, будто Еременко начал действовать *ещё до* выступления Давыдова, который выступил на поиски ещё 25 августа.

К "крестьянским партизанам" Троицкий отнёс и отряд Половцева и Анофриева из *Масальского* уезда Калужской губернии. Но по архивным данным мы установили, что в *Масальском* уезде помещика М.П.Нарышкина сокольник В.Половцов и бурмистр Ф.Анофриев "от баревых стрелков" набрали "50 верховых стрелков и 300 человек *для кардону*". Всегда в готовности продержали их с дозволения г. Нарышкина на щот вотчины" до прихода калужских ратников. Итак, эти "герои" набрали крестьян *для кордона*, то есть по приказу губернатора и помещика, а единственный опи-

санный в источниках "подвиг" они совершили лишь тогда, когда сюда подошли калужские ополченцы.

Неубедительна ссылка автора на художника В.В.Верещагина, который "из устных преданий стариков" узнал о подвигах старосты одной из деревень Красненского уезда Смоленской губ. Семёна Архиповича, отряд которого якобы истребил более 1,5 тыс. и взял в плен около 2 тыс. чел. Под пером Н.А.Троицкого байка обрела статус реальности – "этот факт запечатлён на картине Верещагина". На самом деле в уезде, где проходила главная коммуникация французов, где долгое время кантонировал 9-й корпус Виктора, и повсюду шныряли отряды фуражиров, такого просто быть не могло.

"Иногда руководили крестьянскими отрядами и представители других сословий", – пишет Н.А.Троицкий, и в качестве примера приводит отряд смоленских помещиков братьев Лесли. Ещё один пример марксистской казуистики. Само построение фразы должно, во-первых, навести читателя на мысль, что в большинстве случаев отрядами руководили сами крестьяне, и *лишь иногда* – дворяне, а во-вторых – намекнуть, что крестьяне сами собирались в отряды, а дворяне лишь командовали ими. В случае с братьями Лесли, как, впрочем, и во всех других, всё было с точностью до наоборот. Хорошо известно, что *именно смоленское дворянство*, "еще до получения манифеста об ополчении отправило к государю просьбу: дозволить временно вооружить до 20-ти тысяч человек".

В Сычевском уезде той же губернии предводитель дворянства Н.М.Нахимов, по словам Н.А.Троицкого, "вооружил несколько *малых партизанских групп* из крестьян". На самом деле, в источниках эти отряды именовались "конные разъезды" и "ночные караулы", которые совершали поиски под руководством дворян. Среди командиров "партизанских отрядов" Н.А.Троицкий назвал дьячков И.Скобеева и В.Рагозина. Рагозин же занимался разведкой для партии А.Бенкендорфа. О Скобееве известно лишь то, что он привёл около тысячи крестьян, которые разрушили неприятельские укрепления в Верее после того, как город был захвачен отрядом генерала И.С.Дорохова. В "партизаны" его впервые пре-

вратили Бескровный и Жилин, которых автор в иных случаях критиковал "на чём свет стоит".

Особенно забавно из уст именитого профессора звучит следующая тирада: "О русских женщинах-партизанках 1812 г. надо говорить особо. Простые крестьянки, они самоотверженно делили со своими мужьями, отцами, братьями тяготы их партизанской жизни, были верными их помощницами, а то и равноправными товарищами по оружию и даже иногда командирами. *Имена их, буквально за единичными исключениями, до нас не дошли*". Вот так, даже имена этих женщин не известны, не говоря уж об их деяниях, что не мешает профессору пропеть в их честь столь вдохновенный дифирамб! Одна лишь сила марксистского прозрения могла послужить основой для такого вдохновения. Правда, в качестве примера автор привёл реальных персонажей – Василису Кожину, которая, по его словам, "возглавила *местный партизанский отряд*, в основном из подростков и женщин". На самом же деле, Василиса просто *конвоировала в тыл пленных*, захваченных мужиками, и на карикатурах изображена *именно в виде конвоира*. Н.А.Троицкий заявил, будто бы мы, говоря о Кожинной, сослались *только* на "скандальный опус Гарнича, тогда как специально о Василисе изданы несколько книг". Это, разумеется, неправда, а упомянутые им "лубочные поделки" к науке не имеют никакого отношения. А вот источник его "поэтического вдохновения" обнаружить очень легко – достаточно открыть соответствующее место (с. 228 – 229) книги того же Гарнича!

Автор упомянул и "кружевницу Прасковью из д. Соколово Смоленской губ.", которая "по своим подвигам едва ли уступала Василисе, а, может быть, и превосходила её". Здесь он повторил фантазии Н.Зарина о том, будто она возглавила отряд из 20 чел., убила некоего полковника и навела такой страх на противника, что генерал А.Жомини доложил самому Наполеону о том, что из-за её действий невозможно собирать провиант в Духовщицком уезде! Между тем, в уезде нет д. Соколово, зато известно, что с мародёрами здесь боролись помещики и чиновники при поддержке казаков из отряда подполковника В.И.Дибича 1-го. Поражаешься доверчивости доктора наук, который напрочь забыл о таком важнейшем для историка понятии, как "критика источника".

Раздел о "народной войне" Н.А.Троицкий завершил фразой Л.Толстого о том, что "дубина народной войны... гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё наше царство", то есть, надо понимать, до западной границы империи. На самом деле, это фантазия литератора, далёкая от истины, ибо народная война имела место лишь в Смоленской, Московской и Калужской губерниях и завершилась к началу ноября по причине отступления отсюда неприятеля. Тогда же по приказу царя и Кутузова у народа стали изымать оружие посредством выкупа, а в Литве и Белоруссии народной войны не было.

Следует подчеркнуть, что Н.А.Троицкий сам не изучал по источникам ни народную, ни партизанскую войну (да только ли это?), а просто переписывал чужие выводы в той мере, в какой они соответствуют исповедуемым им марксистским постулатам. Вовсе не случайно, что он так и не рискнул вступить с нами в открытый научный спор по указанным проблемам. Обвинив нас в претензиях "на пересмотр всего и вся из того, что выявили его предшественники", высокомерно обозвал наши статьи "легковесными", не приведя ни единого конкретного возражения, аргументированного фактами. Его абсолютно не интересует то, какими способами эти предшественники "выявили" примеры "народной войны", главное, чтобы они "лили воду на мельницу марксизма". Тут он без тени сомнения ретранслирует "выводы" даже тех авторов, которых во всех прочих случаях критикует "в хвост и в гриву".

Вопрос о причинах победы России Н.А.Троицкий решает по-марксистски просто: "Именно общенациональный подъем народных масс... стал главной причиной победы России в войне 1812 г., а народ русский (включая, естественно, и крестьян, одетых в солдатские мундиры) – главным героем войны". Такой вывод некорректен. 1. В феодальном государстве народ вовсе не был самостоятельной силой, принимавшей судьбоносные решения. 2. Включать армию в понятие "народ" могут лишь схола-

стически мыслящие марксисты, не знающие, что крепостные, попадая в армию, навсегда порывали со своим сословием и вступали в иное, обладавшее своими корпоративными интересами. 3. Нельзя же всерьёз считать, будто плохо вооруженные и необученные ополченцы и отряды самообороны смогли самостоятельно разбить огромную армию. 4. При таком выводе замалчивается роль прочих сословий, особенно дворян и священнослужителей, а также армии. Дворянство играло руководящую и цементирующую роль, а духовенство – важнейшую роль в деле религиозной пропаганды.

Цитируя "единоверцев", Н.А.Троицкий продемонстрировал современному читателю, какими способами (фантазирование, передёргивание или замалчивание фактов, казуистика и т.п.) советские авторы зачастую перекраивали историю, подгоняя заключения под заранее известный вывод "о ведущей роли народных масс в истории". В то же время, автор представил и современный "марксизм в действии": будучи не в силах оспорить наши выводы, пошёл по пути полного замалчивания результатов наших исследований. Замалчивая выводы, сделанные также другими современными исследователями, которые не разделяют его авторских воззрений, Н.А.Троицкий попытался сохранить за собой имидж самого крупного знатока истории войны 1812 г., каковым на самом деле уже вряд ли является. Поэтому мы никак не можем разделить надежд И.А.Шейна на то, что его книга "в очередной раз станет заметным явлением в историографии" и что его "концепция истории наполеоновского нашествия на Россию, разработанная более двадцати лет назад, не потеряла своей актуальности и в настоящее время". Более 2,5 тыс. лет назад известный философ предупреждал, что "невозможно дважды войти в ту же самую реку"...

Доктор исторических наук, профессор
А.И.Попов, FINS